

III.

С Т И Х О Т В О Р Е Н I Я.

**Отрывокъ изъ третьей пѣсни Поэмы
Людмила и Русланъ,
(Окончаніе.)**

Тогда, опь ярости нѣмъя,
Спѣсненной злобой пламенъя,
Надулась голова. Какъ жарь
Кровавы очи засверкали;
Напѣяясь, губы задрожали,
Изъ усъя, ушай поднялся паръ —
И вдругъ она, что было мочи,
На вспрѣчу Князю спала душъ.
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, напужа грудь,
Скозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ пупъ.
Объятый спрахомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможеный,
Далече въ полѣ отдохнушъ.
Вновь обращишься Вишнязъ хочешь,
Вновь оправженъ, надежды нѣшъ.
А голова ему во слѣдъ,
Какъ сумасшедшая хохочетъ.
Гремишь: „Ай, Вишнязъ! ай, Герой!
„Куда ты? Тише, тише, спой!
„О Вишнязъ! шею сломишь даромъ;
„Не прусь, наездникъ, и меня

„Порадуй хошь однимъ ударомъ,
 „Пока не замориль коня.“
И между шѣмъ она Героя
 Дразнила спрашнымъ языкомъ.
 Русланъ, досаду въ сердцѣ кроя,
 Грозишь ей молча копіемъ,
 Трясешь его рукой свободной,
 И задрожавъ булать холодной
 Вонзился въ дерзоспный языкъ,
 И кровь изъ бѣшенаго зѣва
 Рѣкою побѣжала въ мигъ.
Ошь удивленья, боли, гнѣва
 Въ минуту дерзости лишась,
 На Князя голова глядѣла,
 Желѣзо грызла и блѣдила,
 Въ спокойномъ духѣ горячась:
 Такъ ивогда средь нашей сцены
 Плохой пипомець Мельпомены,
 Внезапнымъ свистомъ оглушенъ,
 Ужь ничего не видишъ онъ,
 Блѣдишь, роли забываешьъ,
 Дрожишь, поникнувъ головой,
 И заикаясь умолкаешьъ
 Передъ насмѣшилой полпой.
Счастливымъ пользуясь мгновенiemъ
 Къ обѣяшой головѣ смущеньемъ
 Какъ яспребъ богатырь лепитъ
 Съ подъяпой, грозною десницей,
 И въ щеку тяжкой рукавицей
 Съ размаху голову разиши,
 И спешь ударомъ огласилась;
 Кругомъ росисшая права
 Кровавой пѣной обагрилась,

И зашатавшись, голова
 Перевернулась, покачилась,
 И шлемъ чугунный заспучалъ,
 Тогда, на мѣспѣ опустѣломъ,
 Мечъ богатырскій засверкалъ.
 Нашъ Вишнязъ въ препетѣ веселомъ
 Его схватилъ и къ головѣ
 По окровавленной правѣ
 Бѣжишъ съ намѣрењемъ жестокимъ
 Ей носъ и уши обрубиши.
 Уже Русланъ гоповъ разиши,
 Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ; —
 Вдругъ, изумленный, внемлеть онъ
 Главы молящей жалкій спонъ . . .
 И тихо мечъ онъ опускаешъ,
 Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираешъ,
 И мщенье бурное падешъ
 Въ душѣ, моленіемъ усмиренної :
 Такъ на долинѣ таешь ледъ,
 Лучемъ полудня пораженої.

„Ты вразумилъ меня, Герой,
 Со вздохомъ голова сказала :
 Твоя десница доказала,
 Что я виновенъ предъ тобой,
 Ошынѣ я тебѣ послушенъ;
 Но, Вишнязъ, будь великодушенъ!
 Достоинъ плача жребій мой:
 И я былъ Вишнязъ удалой,
 Въ кровавыхъ битвахъ супостата
 Себѣ я равнаго не зрѣль;
 Счастливъ, когда бы не имѣль
 Соперникомъ меньшаго брата !

Коварный, злобный Черноморъ
 Ты , шы , всѣхъ бѣдъ моихъ виною !
 Семейства нашего позоръ,
 Рожденный карломъ съ бородою ,
 Мой дивный роспѣшь отъ юныхъ дней
 Не могъ онъ безъ досады видѣти ,
 И спалъ за то въ душѣ своей
 Меня , жестокій , ненавидѣти .
 Я былъ всегда немнога проспѣти ,
 Хотя высокъ , а сей несчастный ,
 Имѣя самый глупый роспѣти ,
 Уменъ какъ бѣсъ — и золь ужасна .
 Припомѣ же , знай , къ моей бѣдѣ ,
 Въ его чудесной бородѣ
 Таинственная сила роковая ,
 И все на свѣтѣ презирая ,
 Доколѣ борода цѣла ,
 Измѣнникъ не спрашивая зла .
 Вотъ онъ однажды , съ видомъ дружбы ,
 Послушай , хитро мнѣ сказалъ ,
 Не опкажись отъ важной службы :
 Я въ черныхъ книгахъ опыскаль ,
 Что за воспочными горами
 На тихихъ моря берегахъ
 Въ глухомъ подвалѣ , подъ замками
 Хранился мечъ — и чѣмъ же ? спрахъ ?
 Я разобралъ во тьмѣ волшебной
 Что волею Судьбы враждебной
 Сей мечъ извѣстенъ будеши намъ ,
 Что насть обоихъ онъ погубиши ,
 Миѣ бороду мою отрубиши ,
 Тебѣ главу , — суди же самъ ,

**Сколь важно намъ пріобрѣшенье
 Сего созданья злыжъ духовъ. —
 „Ну, что же? гдѣ шупъ запруднеине?
 Сказаль я карлу, я гоповъ;
 Иду хопъ за предѣлы свѣта.“ —
 И сосну на плечо взвалилъ,
 А на другое для совѣта
 Злодѣя — брапа посадилъ.
 Пуспился въ дальнюю дорогу,
 Шагаль, шагаль, и, слава Богу!
 Какъ бы пророчесишу на зло,
 Все счастливо сначала шло.
 За опдаленными горами,
 Нашли мы роковой подвалъ;
 Я размешаль его руками
 И пошаенный мечъ доспаль.
 Но нѣшь! судьба шого хопѣла
 Межъ намиссора закипѣла;
 И было, признаюсь, о чёмъ.
 Вопросъ: кому владѣшь мечемъ?
 Я спорилъ, карло горячился;
 Бралились долго; наконецъ
 Уловку выдумалъ хищрецъ:
 Припихъ и будто бы смягчился.
 — „Оставимъ безполезный споръ,
 Сказаль мнѣ важно Черноморъ,
 Мы ишьмъ союзъ нашъ обезславимъ;
 Разсудокъ въ мирѣ жиши велишъ.
 Судьбѣ рѣшишь мы предославимъ,
 Кому сей мечъ принадлежишъ.
 Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
 (Чего не выдумаешь злоба?)
 И кто услышишъ первый звонъ,**

Тотъ и владѣй мечемъ до гроба,“ —
 Сказалъ и легъ на землю онъ.
 Я съ дуру также распяялся,
 Лежу, не слышу ничего ,
 Смѣкая: обману его !
 Но самъ жестоко обманулся.
 Злодѣй въ глубокой шишинѣ
 Привспаль , на цыпочкакъ ко мнѣ
 Подкрался сзади, размахнулся,
 Какъ вихорь свиснуль острый мечъ,
 И прежде, чѣмъ я оглянулся ,
 Ужъ голова слепѣла съ плечь.
 И сверхъестественная сила
 Въ ней жизни духъ остановила.
 Мой осипавъ шерніемъ обросъ ,
 Вдали, въ странѣ, людьми забвенної
 Исплѣль мой прахъ непогребенnoй ,
 Но злобный карло перенесъ
 Меня въ сей край уединенной ,
 Гдѣ вѣчно долженъ быль спречь
 Тобой сего дня взятый мечъ.
 О Вишнязь ! ты хранимъ судбою
 Возми его, и Богъ съ тобою!
 Быть можетъ, на свое мѣсто
 Ты карла чародѣя вспрѣшишь ,
 Ахъ! если жъ ты его замѣшишь
 Коварству, злобѣ опомсши !
 И наконецъ я счастливъ буду ,
 Спокойно міръ оставлю сей ,
 И въ благодарности моей
 Твою пощечину забуду.“